

Людмила Сладкова

Чувства навыворот

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
С47

Сладкова, Л.

С47 Чувства навыворот / Л. Сладкова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 424 с. — (Яд первой любви).

ISBN 978-5-521-92181-2

Любовь бывает разной...
Трепетной. Окрыляющей. Нежной.
А бывает и первой!
Неправильной. Болезненной. Токсичной.
Где одержимость легко спутать с ненавистью.
А зависимость с неприязнью.
Но зависимость — болезнь!
Они больны друг другом. Больны без права на исцеление.
И он пойдет на все, лишь бы удержать ее рядом.
Лишь бы защитить... от самого себя.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FС
ВІSAC FIC000000

ISBN 978-5-521-92181-2

© Сладкова Л., 2021
© Ладыгина Н., оформление, 2021
© Колчева В., оформление, 2021
© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

ЧАСТЬ I

ЗАРАЖЕНИЕ

ГЛАВА 1

Ирина

*Одиннадцатый класс
Восьмое марта*

Ира нервно сглотнула, стараясь не смотреть вниз на зажмурившуюся от страха подругу. Теперь идея снять праздничные плакаты со стен спортивного зала при помощи старой неустойчивой стремянки казалась ей не столь радужной.

— Ты там держишь?

— Держу, держу! — запыхтела Ленка. — Снимай скорее...

— Чего ты трясешься? — невольно повысила голос. — Не шатай меня!

— Я высоты боюсь! Ты же знаешь!

— Именно поэтому я наверху!

— И что? — на секунду Белова разомкнула веки, чтобы, беспомощно пискнув, зажмуриться еще сильнее. — Как представляю, будто там я сейчас стою, и голова сразу кружится! Такая высь, Ириша!

— Просто не шевелись. Ладно? Тебя трясет, поэтому и лестницу шатает. И два метра над полом — еще не высь!

— Мамочки! — заскулила девушка не своим голосом. — Скорее!

Ленку-то Ирина успокаивала, а у самой от волнения внутри все сжималось. Она только с виду отважной была. А по натуре своей как котенок трусливый. Потому и вцепилась в стремянку, что было сил.

Не оторвать. Не сдвинуть. Явно не до плаката стало.

— Хватит ныть! — сурово осадил подругу, маскируя недовольством собственные страхи. — Не забывай, по чьей милости мы здесь оказались!

Белова резко замолчала. Настырно топнула ногой, будто сама себе подзатыльник отвесить хотела, и смело распахнула глаза.

Она полностью соответствовала своей фамилии. Вся такая... светлая. Стройная блондинка с шикарными локонами до самой поясницы.

Кожа фарфоровая, гладкая. Сама почти прозрачная. Даже глаза ярко-василькового цвета и то сильно выделялись на аристократической бледности лица. Подруга вообще казалась нереальной.

Нарисованной умелой рукой художника.

Такой, каких в природе не существует.

Да и вела Ленка себя порой, как не от мира сего.

За ней парни табунами бегали, а она не замечала никого.

Рехнулась девка, как пить дать!

Втрескалась, дура малолетняя, в учителя физкультуры, который устроился к ним в начале года. И плевать ей, что он старше на десять с лишним лет.

Что проблемы у него будут, если поддастся ее провокациям.

Правда, нужно отдать ему должное, Виктор Эдуардович держал оборону довольно стойко. Жестко пресекал ее ухаживания.

Да только и Ленкиному упрямству можно было лишь позавидовать.

Не сдавалась она. Своих чувств не стеснялась. Люблю и все!

Вновь и вновь штурмовала эту крепость.

Ни одной возможности не упускала перед ним покрасоваться.

Вот и сейчас опять за свое!

Могли бы с ней спокойно пойти домой. Как все нормальные ученики.

Нет же! Вызвалась она очистить спортзал от праздничной атрибутики, оставшейся после утренника, посвященного международному женскому дню. Активистка, блин, выискалась!

И все в надежде, что физрук ее увидит. Что заметит, в конце концов!

Только вот инициативу-то проявляла Лена, а страдала потом Ирина.

Потому что не могла бросить подругу одну.

Особенно, когда эта зараза так слезно просила о помощи!

«Эх... любовь зла!»

Из коридора, ведущего к спортзалу, слышались громкие мужские голоса.

И они приближались. Запаниковав, Ира испуганно завертела головой.

— Какой сегодня день?

— Восьмое марта...

— Да знаю я! День-то какой?

— Среда... кажется.

— Черт! У парней баскетбол сегодня?

— Да. Наш одиннадцатый «А» против одиннадцатого «Б», — отрапортовала Лена с придыханием.

— То есть ты знала? — возмущению не было предела. — О, конечно, знала! Этот факультатив же Макаров твой ненаглядный ведет!

— Прости! Прости, Ирочка! Так уж вышло...

У Беловой всегда так уж вышло!

Разбираться было поздно. Да и признаваться в своей трусости тоже.

Набрав в легкие как можно больше воздуха, Ирина сделала решительный выпад вперед, и «приклеилась» ладонями к стене. Торопливо подцепила ногтем нижний уголок ватмана, прикрепленный полоской скотча. Затем верхний. И еще один. Оставался последний.

Как назло, именно в этот момент двери распахнулись, и помещение спортзала заполнилось одноклассниками. Представители «Б»-шектаже были в полном составе. Завидев девушек, парни за-

свистели и начали отпускать плоские шуточки. К слову, Ленке тоже палец в рот не клади!

Это она перед физруком своим млела, как кисейная барышня.

Ровесников же строила, мама не горюй!

Зря от поста старосты отказалась. К ней прислушивались.

— Зырьте, зырьте! — произнес задиристо кто-то из толпы. — Сладкая парочка! Белова и Синицына! Заблудились, девочки? Или пришли посмотреть на игру настоящих мужчин?

Подруга надменно фыркнула:

— Покажите мне их! Пока вижу только толпу сопляков. Когда в этом зале появится хоть один настоящий мужчина, я его замечу!

— Ой-ой! Какие мы серьезные. Надолго ли, Белова? — загоготали парни в голос. — Давай поспорим, что Макаров тебя вышвырнет отсюда, как только увидит? Опять вышвырнет! И снова вышвырнет!

— Еще посмотрим, — не сдавалась Ленка, передразнивая одноклассников. — Наступит день, когда не вышвырнет! Когда не сможет — он просто умрет от моей красоты! Ясно?

Ирина не выдержала. Не без труда, но все же оторвав злосчастный плакат от стены, осторожно развернулась к одноклассникам:

— Да кому вынафиг нужны? Мы, вообще-то, тут делом заняты!

Подтверждая свои слова, демонстративно швырнула на пол разрисованный ватман. И замерла, подобно каменной статуе, не в силах сделать даже крошечный вдох. Ее будто парализовало, ибо конечностей своих девушка точно не чувствовала. Кажется, и кровь с лица отхлынула, делая ее бледнее больничной простыни. А все потому, что в спортзал вошел опоздавший.

«Черт подери!»

Слава Красницкий...

Ее самый страшный кошмар в столь короткой жизни.

«Господи, за что?» — безмолвно взмолилась, возводя глаза к небу.

Им в одном помещении находиться было категорически противопоказано.

Синицына являлась для него неким безусловным раздражителем.

Прямо красной тряпкой для разъяренного быка.

Стоило на горизонте появиться, одноклассник тут же докапываться начинал. Все-то его в ней раздражало! Все-то ему не нравилось!

Ирина являлась обладательницей красивых, густых медно-рыжих волос.

Из-за дразнилок Красницкого свою шевелюру девушка возненавидела.

Так же, как и большие зеленые глаза на пол лица, из-за которых парнишка окрестил ее пучеглазой.

«Да с чего пучеглазая-то?» — хотелось кричать всякий раз.

Видела она пучеглазых людей. И ничего общего с ними не имела.

Про свою фигуру Синицына вообще не заикалась.

Куда ей со своими «сто-шестьдесят-сто» тягаться с идеальными девичьими телами «девяносто-шестьдесят-девяносто», окружавшими его?

Подумаешь, мясистая попа? Зато упругая!

Да, грудь третьего размера. Зато она хотя бы есть!

Узкая талия? Зато... зато гибкая! И животик плоский. Что ж теперь?

Орать на всю школу: «Синицына, ты похожа на воздушный шарик, перетянутый на поясе шнурком? Почему ты до сих пор с этим живешь, и все никак не сбросишься с крыши?»

Но именно так он и делал! Именно так и поступал!

А она потом часами рыдала в подушку, чувствуя себя самой настоящей уродиной и желая лишь одного — действительно сброситься с крыши.

Отгоняя от себя не самые радужные воспоминания, Ирина вновь скользнула осторожным вороватым взглядом по объекту своей неприязни.

Красницкий, ни на кого не реагируя, на ходу натягивал футболку.

Так странно. Она никогда прежде не видела его без одежды.

Щеки обожгло болезненным румянцем.

Сердце отчего-то бешено заколотилось в груди.

Во рту пересохло. И дыхание странно сбилось.

Да! Не зря он, видимо, единоборствами занимался с первого класса.

Вот и обладал теперь полностью сформировавшимся телом.

Телом мужчины, не парня!

Мощные плечи. Широкая грудь, покрытая порослью грубых темных волосков. Красивый мышечный рельеф. Кубики пресса на животе.

Внезапно Ирине захотелось прикоснуться к ним.

Ощутить подушечками пальцев их твердость. Или мягкость.

«Вот черт! Я совсем спятила?»

Ее точно по голове шарахнули увесистым кирпичом.

По венам разлился губительный ток, покалывая кожу. Будоража кровь.

Впервые она заметила в нем не выскочку, драчуна и задиру, которому все сходит с рук, потому что он — единственный сын главы их города, а... парня. Молодого. Привлекательного. Сильного.

Слава выглядел старше своих лет. Возможно, виной тому была его внешность. Высокий рост. Смуглая, загорелая кожа. Темные волосы и карие, почти шоколадные глаза. Глаза, которые никогда ей не улыбались, и смотрели слишком уж сурово для его нежного возраста.

Ирина резко тряхнула головой, пытаясь избавиться от столь странных ощущений. Вернуть контроль над собственным телом. Успокоиться. Но ослабевшие конечности дали о себе знать — колени внезапно подогнулись. Она чудом удержала равновесие. Одицавший пульс застучал где-то в горле.

Ленка пискнула от ужаса и крепче вцепилась в стремянку.

— Держу! — вновь запыхтела подруга. — Снимай второй и спускайся.

«Легко сказать!»

Ноги тряслись. Руки не слушались.

— О, Синичка! — эхом отразился от стен громогласный возглас Красницкого. Ирина брезгливо поморщилась.

«Синичка. Синичка, черт бы его подрал!»

Даже прозвище это нелепое он ей придумал. Как собачонке.

А все подхватили. Стадо баранов! Что с них возьмешь?

Она решила не отвечать. Игнорировать его.

«Ага, как бы не так!»

Все уже устали на них, ожидая очередную перепалку.

— Красный, задай ей жару! — потирал руки Серега из параллельного класса.

Собрав всю волю в кулак, Ира схлестнулась со Славой настороженным взглядом. На удивление, на его лице не было и намека на привычную холодную ухмылку. Только злость. Постоянная.

Адресованная исключительно ей.

— Чего... тебе?

Голос дрожал от волнения. Так дрожал, что девушке самой противно стало.

Красницкий же невозмутимо скрестил руки на груди.

Плохой знак. Ей предстояло многое выслушать.

— Скажи, ты же в курсе, что тебе далеко до размеров той крошечной птицы, название которой ты так гордо носишь?

«Молчи. Молчи. Прикуси язык. Не давай волю гневу!»

Ира стиснула зубы, всеми силами пытаясь не ввязываться в ссору.

— Алле, гараж! — рявкнул вдруг одноклассник. — Я с кем разговариваю?

— Понимаю! — не выдержав, отозвалась его же тоном.

— Серьезно, что ли? Тогда какого черта ты возомнила себя именно синицей и начала порхать по проводам?

— А? — проблеяла она, чувствуя себя неполноценной.

Потому что не поняла ни слова из брошенной им фразы.

— Ладно, — театрально выдохнул парень. — Давай на твоём языке. Запомни: тебе категорически запрещено подниматься выше... сколько там у вас каблук? Двенадцать? Так вот, выше двенадцати сантиметров над уровнем пола! Сейчас ты рискуешь раздавить своим безразмерным задом ни в чём неповинную стремянку. Ну, и стоящую внизу подругу, конечно! Спускайся, Синицына! Если в тебе есть хоть капля жалости к школьному имуществу и чужой жизни, спускайся...

Присутствующие загоготали во все горло. У Ирины же от обиды слезы на глаза навернулись. Стараясь не выдать своего состояния, девушка до боли прикусила щеку изнутри, да задышала глубже, прилагая титанические усилия, чтобы не разреветься. Гипнотизируя его тяжелым взглядом, Синицына думала лишь об одном - как сильно ненавидит этого ушлепка.

О! Она с превеликим удовольствием расцарапала бы сейчас его наглую высокомерную физиономию. Прямо до крови!

— Ты чего до нее докопался, Славик? — возмущенно ринулась на ее защиту Ленка. — Нормальная у Ирки попа. Красивая. Многие парни заглядываются. Смотрю, и тебе спать спокойно не дает?

— Не встревай, Лен! Забыла, чем все в прошлый раз закончилось? — тихонько рыкнул Красницкий, намекая на тот случай, когда из-за их с Ириной ссоры в кабинете директора оказалась именно Белова. С родителями. Вновь впившись взглядом в свою «жертву», Слава продолжил. — Я серьезно, Синичка! Ты очень близка к тому, чтобы свернуть себе шею! Не скажу, что против подобного сценария, но не на восемнадцатом году жизни же! Хоть до двадцати-то протяни!

— Иди к черту! — зашипела Ира, пребывая вне себя от ярости. — Молись, чтобы я не спустилась, придурок!

— Ой, как страшно! — бросил он ядовито. — Вниз. Быстро!

К величайшему облегчению, именно этот момент выбрал Макаров, чтобы появиться на факультативе. Его присутствие ознаменовалось громким свистком. Лена в ту же секунду засияла, как маленький бриллиант. И спину подобно кошке выгнула, выпячивая грудь вперед. Приготовилась, словом. Только зря. Сосредоточив все внимание на учениках, девушек преподаватель не заметил. Ведь их попросту не должно было здесь быть.

— Что, парни, все в сборе?

— Да, — дружный хор голосов прозвучал в ответ.

— Отлично. Тогда накатываем басы на колонках, разбиваемся на команды и погнали. Играем до... Тьфу ты, ну ты! Белова!

Наконец, он ее увидел. До одури влюбленную в него девочку.

И мужчину стало действительно жаль. Помрачнел он в мгновение ока.